

Л. Н. Синякова

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия*

scholast@ngs.ru

**«ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ» АНТРОПОЛОГИЯ
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ Н. С. ЛЕСКОВА
(РАССКАЗ «ЗИМНИЙ ДЕНЬ»): «ДНЕМ ОНИ СРЕТАЮТ ТЬМУ
И В ПОЛДЕНЬ ХОДЯТ ОЩУПЬЮ, КАК НОЧЬЮ»**

Рассматривается образ человека в качестве репрезентанта концепции человека в позднем творчестве Н. С. Лескова («Зимний день»). Художественно-антропологический подход к анализу образа человека в рассказе позволяет выявить крайнюю поляризацию концептов «душа» и «тело» в системе персонажей и градацию самой «телесности» в структуре образов действующих лиц. Мироотношение основных персонажей выражено в параметрах телесности и эгоцентризма. В этом случае можно говорить о «негативной», или «отрицательной», антропологии писателя. «Исключительные» персонажи маркированы душевностью и сострадательностью и обладают личностной позицией. Поляризация «низших» и «высших» натур, а в границах «низших» натур – эскалация телесности – составляет одну из закономерностей художественной антропологии «позднего» Н. С. Лескова. Рассказ о повседневном быте и нравах («пейзаж и жанр») в аспекте художественной антропологии прочитывается как рассказ о нравственном и духовном падении современного человека.

Ключевые слова: художественная антропология, нравописание, поляризация природы, «негативная» этика.

Рассказ Н. С. Лескова «Зимний день» (1894), один из эпиграфов к которому мы использовали в качестве подзаголовка (Иова, V, 14), определен автором как «пейзаж и жанр». Такую же жанровую дефиницию, ориентирующую на бытописание, автор дал более раннему рассказу «Полуночники» (1891). Оба произведения образуют концептуально-повествовательное единство, отчасти прокомментированное в лесковедении (см.: [Дыханова, 2006]). Наше обращение к более позднему рассказу объясняется его усилившейся, по сравнению с «Полуночниками», «отрицательной» репрезентацией образа человека, выраженной не только в сатирическом модусе (изображение современника), но и в аспекте художественной

антропологии (культурно-природный синтез в концепции человека). «Негативная» антропология выявляет, от противного, конструктивные принципы авторского подхода к человеку. Примечательно, что вторым эпиграфом к рассказу служит «присловие» В. И. Даля: «У Спаса бьют, у Николы звонят, у старого Егорья часы говорят». В системе эпиграфов автор соединяет ветхозаветную тему порока и духовной слепоты и нравы среднего петербургского дома (место действия – «гостиная второй руки» [Лесков, 1989. С. 3])¹.

Встретившиеся в тусклый зимний день хозяйка и гостя безымянны и безлики. Хозяйка «готова быть всем на свете: это “сосуд”, сформованный “в честь” и служащий

¹ Далее ссылки на это издание приводятся в круглых скобках с указанием страницы.

ныне “сосудом в поношение”» (с. 3). У гостыи сквозь маску «кроткой лани», которую она носит «в обществе», проступает образ ее истинной сущности – «брыкливой козы» (с. 3, 4, 24, 27). Дамы обсуждают приезд деятельной кузины Олимпии, занимающейся «вопросами» и производящей «оживление»; «странности» хозяйкиной племянницы Лидии, здравомыслящей и чистой девушки-курсистки; крепнущее движение непротивленчества и пр. Более всего они заняты изобретением комбинации по передаче наследства богатого брата хозяйки, Луки Семеныча, ее беспутным сыновьям. Сообщается, что брат Лука привечает только двух родственников: курсистку Лидию и брата Захара.

Вводится тема «исключительных лиц». Лидия – человек иной формации, нежели «сретающие тьму» персонажи. Девушка «нелюбима в своей семье, потому что ведет себя не так, как хочется матери и братьям. Братья ее – блестящие офицеры, и один из них уже дрался на дуэли. Лидия не в фаворе тоже и у тетки...» (с. 5). Лидия занимается лекарским делом и уверена, что нужно творить добро, а именно – приносить практическую пользу. Толстовцы, по ее мнению, «сами добрые и хотят добра», однако «они все говорят, говорят и говорят, а дела с воробьиный нос не делают. <...> Если противны делались те, которые всё собирались “работать над Боклем”, то противны и эти, когда видишь, что они умеют только палочкой ручьи ковырять. Одни и другие роняют то, к чему поучают относиться с почтением» (с. 20). Так Лидия отделяет себя и свое поколение 1890-х гг. от реалистов-позитивистов 1860-х гг. и современных толстовцев, занятых нравственными исканиями, а не практическим делом.

«Племянница-фельдшерница, которая идет наперекор общественным традициям» (с. 6) – один из немногих персонажей, обладающих «душой», способностью к отзывчивости и состраданию: «...любить, по ее рассуждению, должно лишь того, кто сам имеет любовь к людям» (с. 25). Ее личность ориентирована на «высшее», в то время как основные персонажи тяготеют к «низшему».

Генерал Захар Семеныч на первый взгляд столь же порочен, как и две дамы полусвета. Однако именно он заступает за Лидию и недвусмысленно отсылает обеих собеседниц к евангельскому тексту, вспоминая учение

Л. Н. Толстого: «...его несносная на наш счет пронизательность – это скверно. И потом для чего он уверяет, будто “не мечите бисера перед свиньями” сказано не для того, чтобы предостеречь людей, чтоб они не со всякою скотиной обо всем болтали – это глупость. Есть люди – ангелы, а есть и свиньи. <...> бывает, что свиньи садятся в гостиных» (с. 30). Лидию Захар сравнивает с ангелом (Там же). Рассказ о том, как племянница возилась с больным мужиком, разминая его «этакими-то ее удивительными античными руками» (с. 31), объясняет привязанность к девушке богатого дяди Луки, обладающего близкой ей ценностной установкой: он «ни у кого ничего не ищет» (с. 6).

В фиктивной реальности рассказа существуют еще две фигуры, в персональной сущности которых отмечено присутствие «души» и даже «духа»². Это лица, стоящие в центре поучительных, с точки зрения хозяйки, историй: Marie по прозвищу «апостолица» и служанка Федора. Первая – последовательница учения Л. Н. Толстого о непротивлении злу, аттестована «заблудшей овцой» оттого, что «отпала» от высшего света, к которому принадлежит, и старается жить своим трудом – отказалась от прислуги, ухаживает за больными, спасает уличных девушек. Хозяйка, несмотря на ее лицемерие, высказывает в адрес «апостолицы» нечто вроде восхищения: «Marie проводит всю жизнь в заботах о ком-нибудь. Если хотите найти сердечного человека, идите к ней: у ней есть запас людей “униженных и оскорбленных”» (с. 11). Федора – тоже «толстовка». Она возражает против всякой лжи. Если для хозяйки существует удобная ложь и просто ложь, то девушка отказывается их различать: «В Евангелии об этом ничего не сказано, что отличать. Что неправда, то все ложь, – христиане ничего не должны лгать» (с. 16).

² Современный языковед Е. В. Урысон подчеркивает трудности семантического различения слов «дух» и «душа» [2003. С. 60]. Тем не менее исследовательница предлагает удачное описание первого концепта: «Дух, в отличие от души, не мыслится как средоточие внутренней жизни человека, не отождествляется с личностью субъекта – он гораздо менее индивидуален. <...> дух предстает как частица некоего единого начала, некое единой субстанции внутри конкретного человека. В связи с этим дух может мыслиться как нечто присущее человечеству, людям вообще» [Там же. С. 66].

Гораздо понятнее и для гостыи, и для хозяйки поведение служавшей у гостыи прачки: «У меня в прачках семь лет живет прекрасная женщина и всегда с собой борется, а в результате все-таки всякий год посылает нового жильца в воспитательный дом. <...> “Не могу, говорит, бес сильнее”. Когда женщина сознает свою слабость, с этим мирисься» (с. 25). Следует абсурдный вывод: «Это она, наша бедная русская бабья плоть, а не то что эти, какие-то куклы из аглицкой клеенки. Чисты, но холодны» (с. 25). «Плоть» противопоставлена «чистоте» (духу). Подразумевается, что «плоть» «грязна», однако обе собеседницы объединены в сочувствии «бедной... плоти» (употребляя соответствующее притяжательное местоимение – «наша»). Логика рассказа такова, что в дальнейшем «плоть» вытеснит из сюжетного и персонального пространства остальные художественно-антропологические маркеры и станет основной психофизиологической мотивировкой происходящих событий.

И Лидия, и героини вставного фрагмента – «апостолица» Marie и служанка Федора – исчезают из сюжета рассказа к его середине. Во второй половине произведения (гл. VII–XVI) заметно усиление «отрицательной» антропологии. Все действующие лица стремятся захватить как можно больше жизненного пространства, которое для них имеет два измерения: деньги и плоть.

Первая пара персонажей – генерал и гостыя – ненавидят друг друга, поскольку давно отошедшая в прошлое их связь теперь обернулась для генерала шантажом и он вынужден регулярно выплачивать гостье деньги. Его риторическое восклицание: «О Господи! Разрази нас, пожалуйста, чтобы был край нашему проклятому беспутству!» (с. 36) – с одной стороны, объединяет его, как порочного человека, с гостьей, а с другой – отделяет от нее: по крайней мере, генерал ужасается той бездне зла, в которой очутился. Однако раскаяние «брата Захара» недолгое: выйдя из комнаты, он тотчас же возобновляет давно тянущуюся интрижку с красавицей-горничной.

Два сына хозяйки, Аркадий и Валериан, одинаково испорчены, несмотря на то что, по выражению матери, первый – «это совершенная рохля», а второй – «живчик» (с. 15). Аркадий увлекается очередным «отроком» (с. 33), а Валерий небескорыстно

пользуется благосклонностью гостыи – ровесницы его матушки.

Гостыя и Валерий связаны и денежными, и телесными отношениями. Телесность, достигшая нижайшего уровня – плотского, превращает гостью в подобие животного: «Искаженное лицо женщины озарилось румянцем чувственного экстаза <...> все лицо стало напоминать вытянутую морду ошалевшей от страсти собаки. Она догадалась, что она гадка, и закрылась вуалем» (с. 40). «Животные страсти» – не только в этом эпизоде – становятся в рассказе сюжетогенным фактором.

Валериан и его матушка – хозяйка дома беседуют о наследстве дяди Луки. Валериан провозглашает главное «христианское» правило: «А вот в “премудрости Павла чтение”... сказано: “не дети должны собирать имение для родителей, но родители для детей”» (с. 42). Стих из Второго послания апостола Павла коринфянам (12 : 14) должен, по-видимому, подтвердить правоту Валериана, но контекст не позволяет этого сделать – недаром его матушка замечает: «Это что-нибудь из толстовского...» (с. 42). Канонический текст Нового Завета воспринимается ею как апокрифический, потому что цель высказывания в данной речевой ситуации аннигилирует его содержание.

Что касается прислуги, то она, в своей порочности, дублирует как внутреннее содержание, так и поведение хозяев. «А пока кошка в отсутствии, без нее начинают шалить домашние мыши», – задает автор сюжетную ситуацию последних глав (XIV–XVI). Горничная, выбирающая между старым генералом и молодым Валерианом, пишет на надушенном листке хозяйки «согласительное» письмо Захару Семенычу: «Если предложения ваши обстоятельны, то <...> за вежливость вашу я согласна иметь для вас полные чувства...» (с. 48). Дважды подчеркнутая в описании облика горничной «фигура / фигурка фарфоровой кукль» (с. 36, 48) указывает на ее искусственность, гармонирующую с обликом всего дома. Не случайно хозяйка, проводив всех визитеров и покидая ненадолго дом, «чувствовала ту ужасную усталость, о какой может иметь понятие только актриса, исполняющая роль, которая не спускает ее целый акт со сцены» (с. 48).

Кухарка в отсутствие хозяйки курит ее папиросы и соблазняет мальчика-посыльно-

го из лавки. В сферу расчетов оказывается вовлечен и малолетний посыльный, мечтающий о том, что «он будет на гулянье, она (кухарка. – Л. С.) ему подарит рубашку. Со временем он попросит ее купить ему часы» (с. 54). Финал рассказа подтверждает мысль о мнимом всеисилии низкой природы человека: «Они, кажется, признавали за настоящие “дела” – только одни дела природы, которая множит жизнь, не заботясь о том, в чем ее смысл и предназначение» (с. 54). Таким образом, смысл завершающих сюжет событий может трактоваться как нарастание всеобщего зла, выраженного в категории плотского греха³.

Подведем итоги. В рассказе Н. С. Лескова «Зимний день» образ человека двойствен: мироотношение большинства персонажей выражено в параметрах телесности и эгоцентризма. В этом случае можно говорить о «негативной», или «отрицательной», антропологии писателя. «Исключительные»

персонажи обладают душевностью и сострадательностью, утвердившимися в качестве личностной позиции и «смысла и предназначения» их существования. Поляризация «низших» и «высших» натур, а в границах «низших» натур – эскалация телесности – составляет, на наш взгляд, одну из закономерностей художественной антропологии «позднего» Н. С. Лескова.

Список литературы

Дыханова Б. С. В зеркале лесковского «пейзажа» (о нарративных новациях «Зимнего дня») // Лесковский сборник. Орел: Изд-во Орловск. ун-та, 2006. Т. 3. С. 48–54.

Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2006. Т. 12. 751 с. (Издание продолжается).

Урысон Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира: аналогия в семантике. М.: Языки славянской культуры, 2003. 224 с.

Список источников

Лесков Н. С. Собр. соч.: В 12 т. М.: Правда, 1989. Т. 12. 448 с.

Материал поступил в редколлегию 04.07.2014

L. N. Sinyakova

NEGATIVE ANTHROPOLOGY IN THE LITERARY CONCEPTION OF N. LESKOV'S SHORT STORY «THE WINTER DAY»

The article deals with the personages in N. Leskov's short story «The Winter Day» investigated as the author's concept of the human image in general. Thus, the literary anthropology proves its adequacy to reveal the main features of the characters. Its actual area is the human image structure which provides a person unchangeableness in any context – it means the attendance in the human nature of some basic qualities, such as *soul*, *spirit*, *body* and *mind*. Leskov puts his personages both into the social culture and everyday life contexts. The most of personages of Leskov's story are quite mean. We couldn't find out any noble features in their way of living and thinking. They are obsessed by practically all types of passions, so they do not accept the opposite mode of life. The polar opposite personage group carries out the highest ideals – ones are the followers of Leo Tolstoy's studies (Marie and Fedora), others go through a practical training to devote their lives to healing (poor) men (Lydia). The «low» passionate personages are motivated by two leading strategies. These are the body pleasures and money. All types of possessions are the engine of the vital energy of the Hostess and her lady Guest, her sons and her maidservants. Uncle Zachar stands in position between these opposite groups – he feels like sorrow about his wasting of lifetime, but he can not give it up. Lydia and the like personages are arranged, as the literary anthropology subjects, by the concepts *heart* and *soul*. On the opposite, another persons acting in the story are adapting such substances as *body* and *flesh* for their self identity. So we have to admit that the polarization of the literary anthropology signs and the predominance of the negative ones stand as a principles of the late Leskov's works.

Keywords: the literary anthropology, tempers and customs, polar human natures, the negative ethics.